

DOI: 10.22363/2313-1683-2024-21-2-532-555

EDN: KRLEDX

УДК 316.6

Исследовательская статья

Современный кризис этнической и гражданской идентичности и стратегии совладания с ним (по материалам интервью россиян, «оставшихся» и «уехавших» в 2022 году)

Е.Д. Васильева^{id}, А.В. Трифонова^{id}, Н.М. Лебедева^{id}Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
Москва, Российская Федерация edvasilyeva@hse.ru

Аннотация. В период нестабильности, трансформации и неопределенности в российском обществе обостряется кризис этнической и гражданской идентичностей. Предметом данного качественного исследования стали проблемы, связанные с угрозами и кризисом гражданской и этнической идентичностей у россиян, а также стратегии совладания с ним. Сбор данных производился с февраля по июнь 2023 года. Выборка ($n = 41$) качественного исследования состоит из двух подвыборок: россияне, проживающие в России ($n = 21$), и россияне, эмигрировавшие из России после февраля 2022 года ($n = 20$). Сбор данных осуществлялся посредством полуструктурированных интервью. Данные были проанализированы методом тематического анализа с использованием программы Dedoose. Результаты показали, что основными угрозами позитивной российской идентичности являются: зависимость от внешней оценки со стороны референтных групп (в основном граждан других стран), поляризация, расслоение общества и внутренний конфликт. Кризис идентичности проявляется в двух противоположных процессах: дезидентификации с обесцениваемой группой и, наоборот, в усилении идентификации с ней и сопровождается сильными эмоциональными реакциями. Пережить кризис идентичности помогают стратегии избегания и защиты от травмирующей информации (дезидентификация, отдаление) и стратегии совладания (пересмысление, реафfirmация). Переживание кризиса идентичности – долговременный процесс и нуждается во внимании специалистов, дополнительных исследованиях и разработке целевых социальных и образовательных программ, помогающих справляться с источниками угрозы позитивной социальной идентичности, и выработке продуктивных стратегий совладания с кризисом идентичности.

Ключевые слова: этническая идентичность, гражданская идентичность, кризис идентичности, угрозы идентичности, стратегии совладания с кризисом идентичности, россияне, релоканты

Благодарности и финансирование. Н.М. Лебедева: исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 20-18-00268, <https://rscf.ru/project/23-18-45015/>

Введение

События 2022 года запустили сложные социально-психологические процессы на постсоветском пространстве. Эти события могли повлиять на социальные идентичности россиян, став катализатором процессов переосмысления себя и своего места в мире.

Изучение современных социальных трансформаций через призму идентичности не является новым подходом, особенно в отечественной социальной психологии. Осмысление изменений, которые происходили в России в конце XX – начале XXI века, привело к тому, что отечественными учеными были значительно расширены представления о роли социальной идентичности и развито понятие кризиса идентичности (Ядов, 1994; Лебедева, 1999). В период после распада СССР на процесс самоидентификации среди прочего оказывали влияние изменения в социальной структуре и структуре взаимоотношений (Андреева, 2011). Однако если в тот период развитие данной темы стимулировалось в основном бурными социально-политическими процессами, происходящими внутри страны, то сегодня, в эпоху «глобальных вызовов» мы сталкиваемся с тем, что кризис идентичности и процесс переосмысления себя может происходить под влиянием гораздо более широкого информационного и геополитического контекста. В связи с этим, с одной стороны, полученные ранее результаты изучения социальной идентичности в период кризиса имеют важную объяснительную силу при интерпретации тех состояний, в которых находится современное общество, а с другой стороны, могут быть дополнены и расширены за счет включения новых контекстуальных особенностей.

Характерными признаками современной социально-психологической ситуации являются: высокий уровень тревоги – согласно социологическим опросам пик тревожности среди населения отмечался весной и осенью 2022 года¹; рост воспринимаемой угрозы², пессимизма и страха перед будущим, высокий уровень неопределенности – почти половина участников социологических опросов не чувствуют уверенности в завтрашнем дне и не планируют свое будущее (Левашов и др., 2023), рост социальной напряженности и снижение доверия любым источникам информации (Горшков и др., 2022). Исследователи фиксируют противоречивые тенденции на уровне общественных настроений: гордость за свой народ и надежда сочетаются с растерянностью, обидой за свой народ, усталостью/безразличием, чувством ответственности за происходящее и страхом³. Наблюдаются неоднозначные

¹ ФОМ. Настроения окружающих. URL: <https://media.fom.ru/fom-bd/d40no2022.pdf> (дата обращения 20.06.2023).

² ВЦИОМ. Военная угроза извне: мониторинг. 2023. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/voennaj> (дата обращения: 10.11.23).

³ Левада-центр (признан иностранным агентом). Общественные настроения: июнь 2023 года. URL: <https://www.levada.ru/2023/07/11/obshhestvennye-nastroeniya-iyun-2023-goda/> (дата обращения: 05.11.2023).

процессы консолидации/деконсолидации российского общества. С одной стороны, происходит ослабление консолидации из-за идеологических разногласий, а с другой стороны, усиливается институциональное доверие и растет доля тех, кто считает, что Россия идет по правильному пути (Горшков и др., 2022).

События 2022 года способствовали росту миграции россиян за рубеж. Несмотря на то, что данные разнятся, отмечается, что в 2022 году число выездов из России только в страны постсоветского пространства стало рекордным за последние пять лет ⁴. Согласно данным Росстата, в 2022 году миграция в зарубежные страны составила 668 тыс. человек, причем 583 тыс. в страны СНГ ⁵. На данный момент в аналитической и исследовательской литературе практически не представлены данные, которые можно было бы использовать для анализа социально-психологических процессов, происходящих среди эмигрантов/релокантов последних двух лет. В отличие от эмигрантов «релокантами», как правило, называют тех, кого работодатель временно перемещает в другую страну. В настоящей статье мы не дифференцировали эти две категории уехавших в 2022 году, поскольку вопрос, являются ли они эмигрантами или релокантами, – это в том числе отдельный аспект самоопределения, который нами не был затронут. В средствах массовой информации и социальных сетях присутствуют довольно разнообразные и зачастую противоречивые свидетельства о тех феноменах, которые потенциально могли бы повлиять на самоопределение россиян.

Таким образом, в этом исследовании мы изучали воспринимаемые источники угрозы идентичности и особенности кризиса этнической и гражданской идентичностей у россиян в России и за рубежом, а также стратегии совладания с ним.

Социально-психологические подходы к исследованию угрозы и кризиса социальной идентичности

Согласно теории социальной идентичности, мы определяем себя через принадлежность к социальным группам. Членство в позитивно оцениваемых группах способствует достижению, сохранению и повышению позитивной самооценки, основанной на групповой принадлежности (Tajfel, Turner, 1986), в то время как членство в группах, ценность которых подвергается сомнению, создает угрозу социальной идентичности (Branscombe et al., 1999), переживание которой может вести к кризису идентичности.

Исследователи выделяют несколько источников угрозы социальной идентичности. Во-первых, это могут быть ситуации межгруппового сравнения, если их результат оказывается неблагоприятным для ингруппы, то есть способствует снижению коллективной самооценки (Branscombe et al., 1999). Во-вторых, ощущение угрозы может возникать из-за действий других групп, способствующих ухудшению имиджа ингруппы или снижению ее статуса (Hase et al., 2021). Примером могут служить ситуации, в которых сам индивид или представители его социальной группы подвергаются остракизму со

⁴ ФСБ России. Выезд граждан России // ЕМИСС. Государственная статистика. 2022. URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/> (дата обращения 20.06.2023).

⁵ Росстат. Демографический ежегодник России. 2023: стат.сб. М.: Росстат, 2023. 256 с.

стороны представителей других групп (Branscombe et al., 2002). Так, например, ощущение угрозы социальной идентичности может возникать в ситуациях, когда социальная группа, к которой принадлежит индивид, отвергается другими группами или исключается из межгруппового взаимодействия. Важно подчеркнуть, что негативные реакции вызывает отвержение, направленное на представителей ингруппы в целом, даже если оно не затрагивает индивида напрямую (Hase et al., 2021). В-третьих, ингруппа также может быть источником угрозы социальной идентичности, если ее действия воспринимаются как нарушение общепринятых моральных стандартов или противоречат ценностям индивида. Например, ощущение угрозы может возникать у тех участников межгруппового взаимодействия, чья социальная группа обвиняется в причинении вреда представителям других групп (Shuman et al., 2018). Исследователи подчеркивают, что чувство угрозы социальной идентичности связано, прежде всего, со страхом «обесценивания» группы, с которой индивид идентифицирует себя, – ключевую роль здесь играет перспектива потери группой своей позитивной ценности. По определению, угроза социальной идентичности ассоциируется с переживанием негативных эмоций, связанных с потерей позитивной ценности групп. Ощущение угрозы социальной идентичности может способствовать переоценке себя и своего места в мире, результатом чего может стать конфликт идентичностей или кризис социальной идентичности (Hirsh, Kang, 2016).

Г.М. Андреева определяет кризис социальной идентичности как «особую ситуацию сознания, когда большинство социальных категорий, посредством которых человек определяет себя и свое место в обществе, кажутся утратившими свои границы и свою ценность» (Андреева, 2011, с. 5). Н.М. Лебедева характеризует кризис социальной идентичности в ситуации нестабильности общества как «ощущение утраты смысловой насыщенности прежних форм социальной идентификации и поиск новых, отвечающих базальной потребности человека в смысле и способствующих наиболее адекватной адаптации в изменившейся социальной реальности» (Лебедева, 1999, с. 50). Кризис социальной идентичности может сопровождаться резким усилением или ослаблением идентификации с релевантной социальной группой. Усиление социальной идентичности может вести к сверхпозитивной идентичности, в то время как результатом ослабления идентификации с ингруппой может стать чувство маргинальности и разрушение социальных связей (Лебедева, 1998). Одним из признаков кризиса идентичности может быть сужение идентификационной базы, то есть идентификация лишь той частью социальной группы, чьи ценности и взгляды не противоречат ценностям и взглядам индивида. Важную роль в этих процессах могут играть так называемые референтные группы, то есть группы, к которым человек фактически не принадлежит, но на ценности и взгляды которой он ориентируется в своих поступках. Неблагоприятные позиции групп членства на фоне референтных групп при межгрупповых сравнениях могут усиливать проявления кризиса социальной идентичности вплоть до разрыва со «своей» социальной группой. Как следствие, происходит распад социальных связей

и изменение неустойчивых социальных идентичностей, социальная апатия, снижение мотивации целеустремленной групповой деятельности (Ядов, 1994).

Кроме того, кризис идентичности может быть усилен за счет меняющейся роли, которую играет референтная группа. Человек может относить себя одновременно к реальной группе, к которой он принадлежит фактически, и к воображаемой группе, к которой он не принадлежит, но разделяет ценности и принимает способы поведения ее членов. О наличии кризиса идентичности может свидетельствовать не только потеря привлекательности реальной, но и референтной группы (Климов, 2001). Кроме того, различия между упомянутыми группами актуализируют проблему ценностей в процессе самоопределения. Так, например, чужая группа оказывается более позитивной, в частности, потому, что ее система ценностей выглядит более привлекательной. В современном состоянии развития технологий и расширения информационной среды увеличиваются возможности «доступа» к виртуальным и референтным группам, что способствует усилению кризиса идентичности (Белинская, 2009).

Стремление индивида избежать неблагоприятных психологических последствий, связанных с угрозой и кризисом социальной идентичности, может побуждать его к использованию психологических стратегий, направленных на нейтрализацию этой угрозы. В социально-психологической литературе разделяют эмоционально- и проблемно-ориентированные копинг-стратегии. К первой группе относят, например, отрицание и замалчивание, представляющие собой стратегии, направленные на избегание источника угрозы. Их основная задача – смягчение или устранение негативных психологических реакций, вызванных угрозой. Вторая группа представлена стратегиями, работающими непосредственно на решение проблемы, – это может быть переосмысление и активное изменение себя или ситуации, связанной с угрозой (Jaspal et al., 2020). Как правило, копинг-стратегии второй группы считаются более конструктивными, поскольку направлены на решение проблемы, а не на ее избегание, что является более эффективным в долгосрочной перспективе. Дж. Бриквел, автор теории процесса идентичности (Identity process theory), разделяет стратегии, действующие на интрапсихическом, межличностном и межгрупповом уровнях (Breakwell, 2015). В стратегиях интрапсихического уровня задействованы внутренние психологические защитные механизмы (например, отрицание); межличностные стратегии затрагивают взаимоотношения индивида с другими людьми (например, избегание общения, или, наоборот, сближение с определенными людьми); наконец, межгрупповые стратегии фокусируются на межгрупповом взаимодействии (например, создание новых социальных групп). Исследования показывают, что человек, сталкивающийся с угрозой идентичности, не ограничивается лишь какой-то одной определенной стратегией, а использует доступные ему копинг-стратегии разных уровней (Jaspal et al., 2020).

Целью данного исследования является изучение источников угрозы и особенностей кризиса этнической и гражданской идентичностей у россиян, а также стратегий совладания с ним. Нас заинтересовали две группы россиян, переживающих кризис социальной идентичности, – те, кто проживает

в России, и те, кто уехал в 2022 году. Предыдущие исследования этих групп были в основном сосредоточены на демографических и социологических аспектах новой волны миграции, однако не изучались психологические особенности восприятия и переживания кризиса этнической и гражданской идентичностей (Социодиггер, 2023).

На основе теоретического обзора литературы мы ставим перед собой следующие исследовательские вопросы для качественного исследования:

1) каковы воспринимаемые источники угрозы социальной идентичности у россиян в 2022–2023 годах?

2) как проявляется современный кризис этнической и гражданской идентичности у россиян?

3) каковы стратегии совладания с кризисом социальной идентичности у двух групп россиян (проживающий в настоящее время в России и уехавших в 2022 году)?

Процедура и методы исследования

Выборка. Общую выборку исследования составил 41 респондент. В нее вошли две категории россиян: проживающие в России и уехавшие из страны в 2022 году. Таким образом были сформированы две подвыборки. В первую подвыборку вошли 7 мужчин и 14 женщин, возраст от 29 до 63 лет. Во вторую подвыборку вошли 6 женщин и 14 мужчин в возрасте от 19 до 45 лет.

Процедура исследования. Сбор данных производился с февраля по июнь 2023 года. Эмпирическую базу исследования составили результаты глубинных полуструктурированных интервью. Использовались удобная выборка и метод снежного кома. Поскольку изучаемая тема является очень сензитивной, нашей задачей было обеспечить конфиденциальность и анонимность респондентов. Поэтому участие в исследовании было полностью анонимным, добровольным и не предполагало вознаграждения. На подготовительном этапе респонденты были проинформированы о целях исследования и мерах, предпринятых для обеспечения анонимности и конфиденциальности. Интервью с респондентами проводилось по заранее разработанному гайду, в который вошли 24 вопроса для первой подвыборки и 30 вопросов для второй подвыборки. Респонденты были проинформированы, что они имеют право отказаться отвечать на отдельные вопросы и участвовать в интервью в целом. Длительность одного интервью составляла от 40 до 90 минут.

Инструментарий. В качестве метода исследования были выбраны полуструктурированные глубинные интервью. Гайд интервью был разделен на несколько блоков вопросов: этническая идентичность (пример: «*Какие чувства вы испытываете в связи со своей этнической принадлежностью?*»), гражданская идентичность (пример: «*Что для вас значит быть гражданином России сегодня?*»), религиозная идентичность (пример: «*Считаете ли вы себя религиозным человеком?*»), копинг-стратегии в ситуации кризиса идентичности (пример: «*Что вам помогает найти опору в жизни в период нестабильности?*»), психологическое благополучие (пример: «*Ощущаете ли вы себя счастливым человеком?*»). Для второй подвыборки

россиян, уехавших из России, в гайд вошел блок вопросов, связанный с переездом и процессом адаптации в новой среде (пример: «Почему вы решились на отъезд?», «Насколько вы поддерживаете взаимоотношения с принимающим населением?»).

Обработка данных. На первом этапе обработки данных было проведено транскрибирование аудиозаписей интервью при помощи модели распознавания речи whisper. В процессе расшифровки интервью были сохранены стилистические особенности речи. В общей сложности было расшифровано 48 часов интервью, объем текста ответов одного респондента на вопросы интервью в транскрипции составил $M = 23\,793$ знаков, $SD = 13\,512$ знаков, общий объем расшифрованного текста – 975 492 знаков. После оцифровки ландшафт данных был структурирован по двум подвыборкам.

На втором этапе был проведен тематический анализ полученных данных при помощи программы Dedoose. Процедура тематического анализа была нацелена на ответы на поставленные исследовательские вопросы.

Результаты исследования

Источники угрозы социальной идентичности

Для ответа на первый исследовательский вопрос – «каковы воспринимаемые источники угрозы социальной идентичности у россиян в 2022–2023 годах?» – мы сфокусировались на выделении тех тем, которые описывают восприятие угрозы социальной идентичности. Для двух групп респондентов мы выделили общие угрозы идентичности – зависимость от внешней оценки (страх исключения), поляризация общества, внутренний ценностный конфликт.

Внешняя оценка группы либо просто констатируется респондентами: «На меня смотрят не на как человека, а как на гражданина своей страны, которая ведет себя неадекватно» (уехавш., жен., 40–50 лет); «русский в международном пространстве теперь метка, как правило, черная» (ост., муж., 30–40 лет), либо вызывает довольно яркие эмоции: «очень много наблюдаем, и я со стороны себя, что вот просто стало не то, чтобы стыдно, не могу сказать, что стыдно, потому что это моя идентичность. Но стало больно, неловко, как-то из-за того, что не знаешь, какая будет реакция» (ост., жен., 30–40 лет).

У россиян, находящихся за границей, это проявляется на уровне поведения: «Сейчас не хотелось бы ее [русскость] проявлять лишний раз» (уехавш., муж., 40–50 лет); «мне стало, во-первых, стремно говорить с нероссиянами про то, что я из России» (уехавш., муж., 30–40 лет); «рассказывать об этом направо и налево, если не спрашивают, наверное, я теперь уже не стану» (уехавш., муж., 20–30 лет).

Другой источник угрозы идентичности связан с **восприятием поляризации общества**, причем это проявляется и у россиян в России: «Вот Рос-

сия, она, мне кажется, достаточно разорванная» (ост., муж., 40–50 лет), и у россиян за границей: «все начали делить людей по достаточно одному простому критерию. И эта радикализация оценок, она служит таким хо-рошим маяком» (уехавш., муж., 30–40 лет).

Общим для двух групп источником угрозы идентичности является также **воспринимаемый конфликт между индивидуальными и социальными ценностями**: «чувствовать себя русским – это означает сегодня очень сильно внутри расслоиться, как бы немножечко растрескаться на две части» (ост., муж., 40–50 лет). Интересно также отметить отдельный случай несовпадения ценностей у респондента, который уехал из России в 2022 году, но потом вернулся в Россию. Описывая свои наблюдения, он отмечает несовпадение личных ценностей и взглядов с теми, с кем он общался после переезда: «я, оказывается, очень пророссийский по сравнению со всем окружением, что там было. Ну, я понял, что там мне, скорее всего, прям не место. [...] триггером [к возвращению] стало то, что я познакомился с людьми с другой позицией, с яркой такой позицией. И именно это меня подтолкнуло к тому, что у меня она точно не как у них» (вернувш., муж., 20–30 лет).

Воспринимаемые угрозы социальной идентичности ведут к переживанию кризиса этнической и гражданской идентичности. Далее мы рассмотрим результаты, связанные с проявлением этого кризиса.

Особенности проявления современного кризиса социальной идентичности

При анализе данных для ответа второй исследовательский вопрос – «Как проявляется современный кризис этнической и гражданской идентичности у россиян?» – были индуктивно выделены темы и подтемы, описывающие проявление кризиса идентичности. Результаты анализа представлены на рисунке 1 для группы россиян в России и на рисунке 2 для россиян, уехавших в 2022 году.

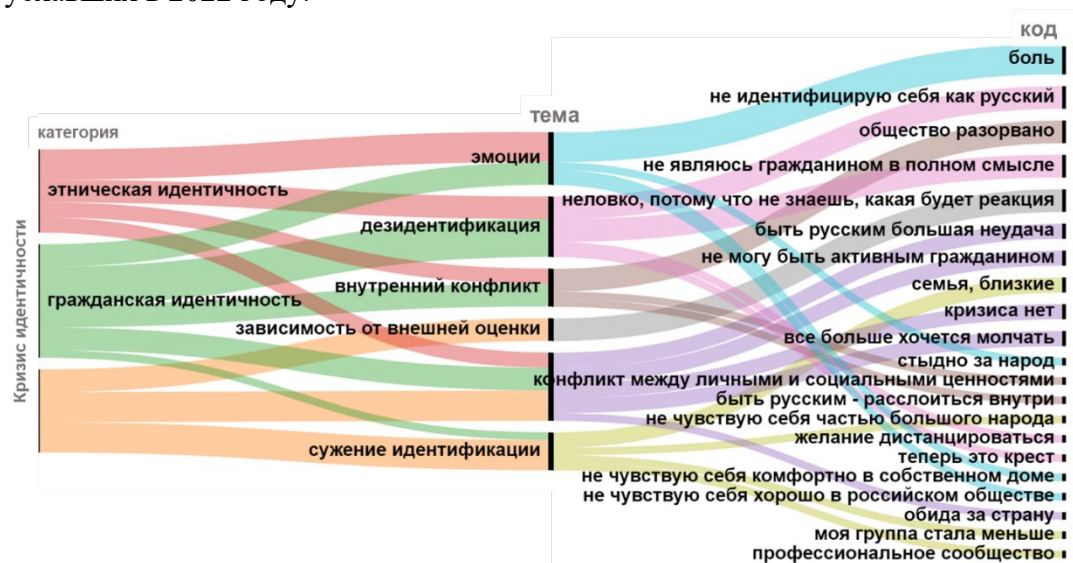

Рис. 1. Совместная встречаемость кодов с категориями – кризис идентичности, кризис этнической идентичности и кризис гражданской идентичности у россиян в России

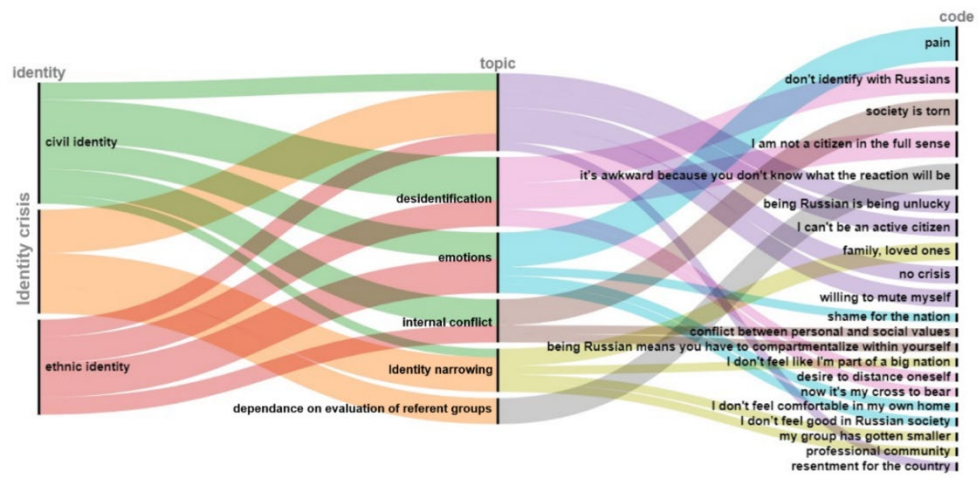

Figure 1. Co-occurrence of codes with categories – identity crisis, civic identity crisis and ethnic identity crisis among Russians living in Russia

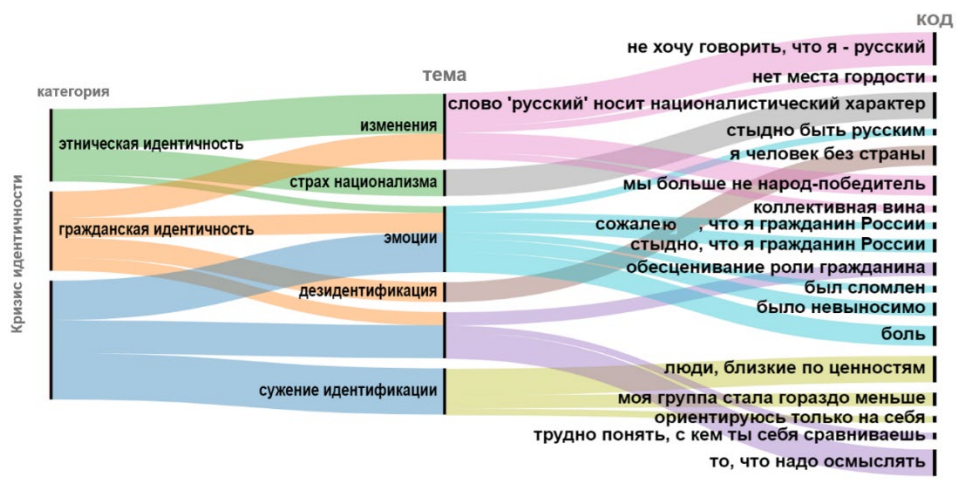

Рис. 2. Совместная встречаемость кодов с категориями – кризис идентичности, кризис этнической идентичности и кризис гражданской идентичности у россиян, уехавших в 2022 году

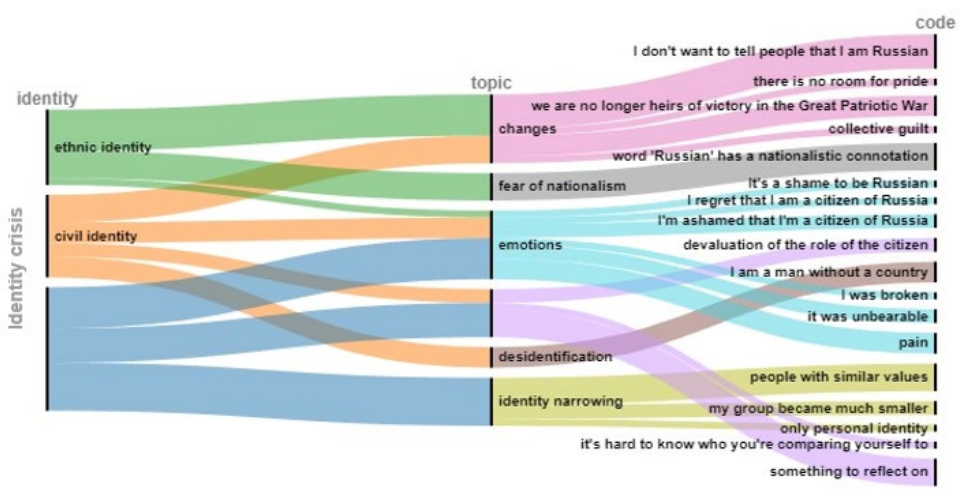

Figure 2. Co-occurrence of codes with categories – identity crisis, civic identity crisis and ethnic identity crisis among Russians who emigrated or relocated from Russia in 2022

Проявления кризиса социальной идентичности фиксируются у двух групп на следующих уровнях: дезидентификация, сужение идентификации, яркие эмоции, связанные с социальной идентичностью, и краткосрочная временная перспектива.

Дезидентификация с группой проявляется как в связи с этнической, так и с гражданской идентичностью: «я хочу дистанцироваться от этой основной массы» (ост., жен., 50–60 лет); «я не чувствую, что мне хорошо в российском обществе ... ощущения себя как части этой группы поменялись, да, поменялись в сторону отчуждения» (ост., муж., 40–50 лет). Отметим, что в группе россиян в России наблюдается и противоположная тенденция – усиление идентичности, например, своя группа характеризуется через слово «избранность» (ост., муж., 60–70 лет). И кроме того, в этой группе дезидентификация осознается и оценивается негативно: «Изменения произошли в оценке количества людей, выродившихся в людей без национальности. Я думала, что таких в России 10–20 %. Сейчас кажется, что их больше» (ост., жен., 50–60 лет).

Дезидентификация также была связана с воспринимаемыми страхами национализма: «в первую пору это перерастает в какие-то уже националистические такие веяния, от этого мне становится очень не по себе, потому что это, как показывает история, не приводит ни к чему хорошему, [...] это абсолютно какие-то примитивные такие рассуждения, поэтому да, мои ощущения от своей группы изменились за последнее время, мне становится страшно» (ост., жен., 30–40 лет).

Важнейшим аспектом кризиса идентичности является **сужение идентификации**: «Я чувствую ближний мир, но я не чувствую большого мира. То есть нет идентичности, большой социальности. Я не чувствую, что я живу в большой стране, в огромном народе» (ост., муж., 40–50 лет); «Ну, то есть группа стала меньше. Ощущение, моя идентичность стала, в смысле группа, намного меньше. Намного меньше» (ост., муж., 40–50 лет).

Основными референтными группами выступают семья, профессиональное сообщество, люди, близкие по ценностям: «мой мир, он все-таки основной, сосредоточен в основном на семье, доме, родных и на близком окружении» (ост., жен., 40–50 лет); «Сейчас эта группа, с которой я себя ассоциирую, она уменьшилась» (уехавш., муж., 20–30 лет).

Кроме того, в группе россиян за рубежом формируется идентификация с теми, кто также уехал из России: «я считаю, что меня очень-очень много объединяет с такими же людьми с похожими историями, коих я знаю достаточно, которые тоже могут себя назвать гражданами никакого государства. Ну, то есть людьми без страны», «И с ними, конечно, меня объединяет вот этот общий экспириенс, общая боль, общие переживания, вот этот опыт вынужденного переезда и так далее. И это очень сильно сплачивает» (уехавш., муж., 20–30 лет).

И наконец, кризис идентичности выражается в **интенсивности негативных эмоций**, связанных с социальными идентичностями: *«Когда сильно больно, об этом не говорят», «очень болезненная тема, поэтому в принципе ее люди не обсуждают (ост., жен., 40–50 лет); «мне стыдно просто за то, что я как будто бы не участвую в этом, но я русская, значит, участвую» (уехавш., жен., 30–40 лет); «в самом начале войны, когда я психологически была почти сломлена» (уехавш., жен., 40–50 лет); «просто стало невыносимо» (уехавш., жен., 40–50 лет).*

И последнее классическое проявление кризиса идентичности – краткосрочная временная перспектива. Например: *«Настолько быстро меняется, что очень сложно строить какие-то долгосрочные планы. Поэтому, естественно, хочется какой-то стабильности, естественно, хочется какого-то относительного якоря, за который можно держаться, и каких-то планов на будущее, которое можно строить. Но сейчас практически невозможно это, поэтому будем жить и смотреть» (уехавш., муж., 40–50 лет).*

Долгосрочное пребывание в состоянии кризиса является не только ресурсозатратным, но и ухудшает психологическое благополучие и взаимоотношения между людьми. Как люди справляются с этой ситуацией?

Стратегии совладания с кризисом социальной идентичности

Отвечая на третий исследовательский вопрос: «Каковы стратегии совладания с кризисом социальной идентичности у двух групп россиян?», мы выделили две группы копинговых стратегий.

Стратегии, направленные на восстановление и поддержание психологического благополучия. Первая группа представлена стратегиями, направленными на восстановление и поддержание психологического благополучия и не затрагивающими идентификационные процессы напрямую. К ним относятся попытки **рационализации ситуации, развитие осознанности, работа с эмоциями**: *«анализ, самоанализ, то есть мне помогает раскладывать какую-то эту ситуацию нестабильности или ее причины по полочкам, может быть, с психологом, может быть, самой, вот, и как-то осмысливать, что происходит, а что я могу сделать, такой вариант, сякой вариант, хотя бы просто проговаривать это внутри себя или с кем-то, мне, пожалуй, помогает» (ост., жен., 20–30 лет); «как бы, ну, я отслеживаю, какая эмоция у меня появляется, я начинаю с ней работать, начинаю рационализировать, чтобы она как бы уходила, да и ты бы в более рациональном русле находился» (ост., муж., 40–50 лет).*

Участники исследования отмечают, что работа над собой необходима в кризисной ситуации как для сохранения психологического благополучия: *«а самое унижающее – это страх, и в этой ситуации, чтобы как-то вообще выжить и сохранить себя, нужно ни в коем случае не накручивать, вот, это внутри, и стараться, ну, как-то свою стабильность поддерживать» (ост., жен., 30–40 лет),* так и для поддержания позитивной социаль-

ной идентичности: *«стараюсь себя останавливать в этих мыслях, потому что я понимаю, что в этом нет ничего плохого, что это неплохо, что я русский»* (уехавш., муж., 20–30 лет).

Как отмечалось ранее, угроза социальной идентичности психологически затратна. Для снижения остроты психологических реакций, связанных с ней, многие респонденты используют **стратегии избегания**.

Во-первых, это проявляется в изменившихся **паттернах медиа-потребления**. Если весной 2022 года многие участники исследования постоянно мониторили новости, эмоционально вовлекаясь в происходящее, то на момент проведения исследования весной 2023 года многие из них признавались в том, что теперь они стараются дистанцироваться от негативной и травмирующей информации: *«И в один момент я понял, как сильно это влияет на меня, чтение новостей постоянно, и я решил отказаться от этого»* (уехавш., муж., 20–30 лет); *«Наверное, больше вот это сейчас переключение моих информационных потоков с политических на другие, [благодаря чему] стало легче»* (ост., жен., 40–50 лет).

Во-вторых, еще одним способом поддержания психологического благополучия стало **изменение круга общения**: *«начинаешь просто ограждать себя, с одной стороны, от тех людей, которые... тратят твои эмоциональные силы, будь то любая позиция, неважно – «за», «против», вообще пофиг, и окружать себя теми людьми, в которых ты видишь поддержку, опору и спокойствие, вот именно психологическое»* (ост., жен., 30–40 лет).

В-третьих, стратегия избегания проявляется и в **стремлении переключить внимание с кризисной ситуации на другие сферы жизни**, например, семью: *«у меня дети, ими надо было заниматься, и не было времени лежать в депрессии»* (уехавш., жен., 40–50 лет); друзей, работу или учебу: *«Я не даю себе вообще расслабиться, потому что не хочется погружаться в какой-то личностный кризис – что будет дальше, что будет со страной», «я даже подавляю эмоции тем, что я много работаю»* (уехавш., муж., 20–30 лет); *«Общение, то есть я встречаюсь с друзьями, встречаюсь с родными, играю в настольные игры, ходим на прогулки... и работа, естественно, она отвлекает настолько, что уже нет времени думать ни о чем, кроме этого»* (ост., муж., 40–50 лет).

Ряд респондентов отмечают, что они стараются дистанцироваться от ситуации – источника угрозы в целом: *«я в целом не хочу рассматривать себя как обязанную включаться в какие-то процессы, которые больше меня, и быть в них разменной монетой»* (уехавш., жен., 30–40 лет).

Стратегии, направленные на совладание с кризисом идентичности. Вторая группа копинговых стратегий включает в себя стратегии, напрямую направленные на совладание с угрозой и кризисом идентичности. С одной стороны, мы наблюдаем стремление респондентов дистанцироваться от проблемной идентичности.

Во-первых, для некоторых участников исследования способом совладания с угрозой идентичности стала актуализация тех компонентов самосознания, которые не связаны с кризисной ситуацией, – **поиск альтернативной идентичности**. Для кого-то точкой опоры стала этническая (не русская) идентичность: *«это та часть меня, которая мне дает силы, дает какую-то опору в жизни... когда какие-то совсем тяжелые моменты наступают в жизни, то это да, это дает силы»* (уехавш., жен., 40–50 лет); для кого-то религиозная: *«Вот, ну, надежда на Бога помогает [...] вот эта надежда именно как чувство, она есть, и я очень верю в то, что даже если там я была не идеальна, и все было плохо, мне все равно помогут сверху. Есть такое ожидание»* (ост., жен., 20–30 лет); для кого-то профессиональная идентичность: *«ценности этого сообщества профессионального в первую очередь я разделяю»* (ост., муж., 40–50 лет).

Во-вторых, у некоторых респондентов это стремление дистанцироваться от проблемной идентичности сочетается с **дезидентификацией**. То есть дезидентификация выступает не только в качестве симптома кризиса идентичности, но и в качестве сознательной стратегии совладания с ним: *«В ситуации, когда страна, чей паспорт у меня есть, ведет [...] войну в отношении другой страны, я не хочу себя чувствовать гражданкой России»* (уехавш., жен., 40–50 лет).

В-третьих, поведенческой копинг-стратегией является **отъезд из страны**: *«В какой-то мере [отъезд – это] попытка отречься от происходящего, глупая, конечно, спрятаться. Я не здесь, я не с вами»* (уехавш., муж., 40–50 лет).

С другой стороны, результаты исследования показывают, что переживание угрозы социальной идентичности может способствовать восстановлению позитивной социальной идентичности.

Во-первых, происходит **сближение с ингруппой**, причем эта стратегия наблюдается как у оставшихся, так и у уехавших. Человек, столкнувшийся с угрозой идентичности, начинает еще больше осознавать себя членом своей социальной группы, чувствовать свою принадлежность к ней: *«Еще больше люблю и еще больше сочувствую русскому народу»* (ост., жен., 40–50 лет); *«поначалу мне было, правда, стыдно, что я русская, что я из России, что у меня паспорт гражданина России есть, что я говорю на русском. Но потом, когда [...] концентрация неадекватна вокруг меня, со стороны разных людей стала сгущаться, я постояла за себя – "нет, все, я русская, мне хорошо"»* (уехавш., жен., 20–30 лет).

Для кого-то это сближение с ингруппой выражается в потребности в социальной сплоченности: *«чувствовать стал необходимость сплочения»* (ост., муж., 50–60 лет); а для кого-то сохранение социальных связей, несмотря на различия во взглядах: *«я не могу сказать, что я к ним стал более холодно относиться, они все равно мои друзья, я их люблю, я понимаю,*

что я не разделяю позицию, я так не думаю, но я понимаю, почему они так думают» (ост., муж., 40–50 лет).

Сближение с ингруппой у многих респондентов сочетается со стремлением защищать ее: *«У меня впервые, наверное, за всю мою жизнь такое чувство, что мне хочется защищать мою страну от нападок просто неуместных комментариев, неуместных стереотипных каких-то высказываний или предубеждений»* (уехавш., муж., 20–30 лет).

У некоторых респондентов это стремление защитить позитивный образ своей группы проявляется в работе с информацией, в частности, в работе с негативной информацией о роли страны в текущих событиях. Кто-то отрицает любую негативную информацию, считая ее ложной: *«Ну, потому что это чаще всего бывают фейки, поэтому ты испытываешь уже такой ужас, что как вообще такое может быть в отношении... солдат, да, там у нас парни молодые в основном. Обычно это негатив, и обычно в такое вообще не веришь»* (ост., жен., 40–50 лет); кто-то предпочитает игнорировать негатив для поддержания собственного психологического благополучия и позитивного образа ингруппы: *«Я понимаю, что в текущей ситуации международной да, бывает всякое, и, возможно, какие-то негативные действия с той и с другой стороны, но не зная о причинах, которые к этому приводят, судить я не берусь. Поэтому для собственного спокойствия я предпочитаю придерживаться того мнения, что... моя страна права»* (ост., жен., 40–50 лет).

Во-вторых, восстановление позитивной социальной идентичности происходит через **реафfirmацию**. Сталкиваясь с угрозой социальной идентичности, члены группы могут попытаться восстановить позитивный образ своей группы, фокусируясь на ее достижениях в областях, не связанных с кризисной ситуацией. Например, участники исследования часто говорили о важности для них русского языка и культуры: *«если представить, что, например, мне навсегда нужно отказаться от русского языка, никогда не слушать русскую музыку или не смотреть фильмы и не общаться ни с кем на русском языке, я думаю, что я бы... ну, это было бы огромным потрясением, я бы просто без этого жить не смог»* (уехавш., муж., 20–30 лет); *«я такой патриот России. Не действий каких-то политических, опять-таки правительства и прочее-прочее, но я очень дорожу этой культурой, которая есть, очень. Мне все очень нравится в том месте, где я живу, особенно после того, как я пожила в Израиле. Я прямо... Москва – это мое место силы»* (ост., жен., 30–40 лет).

В целом, результаты исследования показывают, что у многих респондентов кризисная ситуация актуализировала этнические и гражданские компоненты самосознания, став триггером процессов, связанных с **переосмыслением себя и своей группы**: *«быть русским это что-то такое, на тему чего нужно сейчас... не то что нужно, но приходится так или иначе рефлексировать»* (ост., жен., 30–40 лет); *«главное изменение то, что в це-*

лом я задумывался как-то об идентичности, потому что это до этого какой-то [она] роли не играла и мне было совершенно безразлично, русский или нерусский» (уехавш., муж., 20–30 лет). У некоторых участников исследования осознание и эмоциональное переживание собственной этнической и гражданской принадлежности способствовало усилению чувства ответственности: «ты как бы представляешь страну, и ты в какой-то мере несешь ответственность за то, что происходит» (уехавш., муж., 30–40 лет).

Более того, вместе с актуализацией этих компонентов самосознания, **ростом осознанности** наблюдается стремление человека к анализу и рефлексии: «я чувствую, что у меня есть некоторая обязанность сохранить вот это здоровое отношение, наверное, к русской идентичности и в целом к русской культуре [...] мне хочется, чтобы она никогда не ассоциировалась вот со всем этим ужасом, и я не стыжусь с того, что русский, [...] мне скорее хочется это все прожить, глубоко отрефлексировать, и когда это закончится, постараться максимально приложить усилия, чтобы и другие люди тоже понимали, что русские люди — это более широкое понятие» (уехавш., муж., 20–30 лет).

Обсуждение

Целью настоящего исследования стало изучение особенностей современного кризиса этнической и гражданской идентичности у россиян в России и за рубежом.

Отвечая на первый исследовательский вопрос: «Каковы воспринимаемые источники угрозы социальной идентичности у россиян в 2022–2023 годах?», мы проанализировали ответы респондентов, связанные с восприятием угрозы социальной идентичности.

Результаты показали, что для представителей обеих исследуемых групп основными угрозами являются зависимость от внешней оценки (страх исключения), поляризация общества и внутренний конфликт. Исследования показывают, что проявления остракизма со стороны релевантных аутгрупп является важным источником угрозы социальной идентичности, даже если они направлены на социальную группу в целом и не касаются самого индивида напрямую (Hase et al., 2021). Изменения в восприятии России и русских в международном пространстве, а также санкции, направленные против России, влияют на самооценку русских и россиян, основанную на групповой принадлежности, и вызывают негативные психологические реакции.

Поляризация общества также является одним из источников угрозы идентичности. Разделение внутри своей социальной группы, происходящее за счет различий в восприятии и оценке событий, стимулирует переосмысление оснований для идентификации с группой.

Внутренний конфликт проявляется в столкновении в сознании противоречащих идей, ценностей и эмоциональных реакций. Например, когда че-

ловек ощущает несоответствие между индивидуальными и социальными ценностями. В частности, такой внутренний конфликт может быть следствием воспринимаемого нарушения ингруппой моральных стандартов, представляющих ценность для индивида (Shuman et al., 2018). Это согласуется с результатами предыдущих исследований, которые показывают, что несовпадение в ценностях и политических взглядах с представителями своей социальной группы может быть связано с чувством отчуждения и дистанцирования от нее (Bernard et al., 2006).

Второй исследовательский вопрос касался проявлений современного кризиса этнической и гражданской идентичности у двух групп россиян. Здесь мы наблюдаем две противоположные тенденции. С одной стороны, в ответах респондентов фиксируется стремление дистанцироваться от негативно оцениваемых групп. Исследования показывают, что угроза позитивному образу группы может вести к снижению уровня идентификации с ней (Powell et al., 2005). Например, несогласие с действиями других представителей ингруппы способствует дистанцированию как от тех, кто совершил неприемлемые для индивида действия, так и от ситуации в целом (Allpress et al., 2014). С другой стороны, наблюдаются сближение с ингруппой и рост патриотических настроений. Обе эти тенденции согласуются с результатами предыдущих исследований, выделяющими дезидентификацию и сближение с ингруппой в качестве реакций на угрозу идентичности (Allpress et al., 2014). По мнению исследователей, выбор того или иного ответа может быть связан с выраженностью социальной идентичности: у представителей группы с высоким уровнем идентификации, как правило, наблюдается усиление чувства принадлежности к группе, поскольку группа занимает настолько важную позицию в их самовосприятии, что даже угроза социальной идентичности не позволяет им дистанцироваться от нее (Branscombe, Wann, 1994). Некоторые эксперты, однако, полагают, что угроза социальной идентичности затрагивает, прежде всего, нарциссический компонент идентификации, способствуя росту националистических настроений (Bagci, 2023). Наше исследование показывает, что и оставшиеся в России, и уехавшие россияне боятся угрозы национализма в российском обществе, что может быть как следствием переживаемого россиянами кризиса идентичности, так и влиянием одних и тех же источников информации.

Наше исследование в качестве реакции на угрозу идентичности также зафиксировало сужение идентификационной базы, то есть идентификацию с более узкими социальными группами. Многие респонденты отмечали чувство потери общности со своей этнической группой и соотечественниками в целом, говоря о сближении с референтными группами – прежде всего с кругом единомышленников, а также более радикальное сужение идентификации с профессиональной группой, семьей или даже до уровня личностной идентичности, как это отмечалось в более ранних исследованиях кризиса идентичности в 90-х годах XX века (Лебедева, 1999; Андреева, 2011).

Согласно результатам нашего исследования, яркие эмоции, связанные с этническим и гражданским компонентами самосознания, выступают в качестве психологической реакции на угрозу социальной идентичности. Мы наблюдаем очень разные по валентности эмоции, но все они отличаются высокой интенсивностью, что может свидетельствовать о сензитивности этой темы для респондентов. Исследователи отмечают, что утрата позитивной ценности ингруппы связана с переживанием негативных эмоций (Branscombe, 1999). Зафиксированные нами чувства вины, стыда, обиды, горечи свидетельствуют о снижении коллективной самооценки, основанной на групповой принадлежности. Согласно исследованиям, интенсивность психологических реакций на угрозу может быть связана с выраженностью социальной идентичности (Doosje et al., 2006). По мнению экспертов, уровень идентификации с группой может выступать модератором взаимосвязей между воспринимаемой угрозой социальной идентичности и ее психологическими последствиями: чем сильнее идентификация с ингруппой, тем значительнее психологические реакции на воспринимаемую угрозу.

Отвечая на третий исследовательский вопрос: «Каковы стратегии совладания с кризисом социальной идентичности у двух групп россиян?», мы выделили стратегии, направленные на совладание с угрозой и кризисом этнической и гражданской идентичности. Важно отметить, что выделенные стратегии не являются взаимоисключающими, поскольку человек может одновременно использовать разные стратегии совладания. Полученные результаты свидетельствуют о доминировании стратегий избегания. Они используются на интрапсихическом (например, избегание или отрицание любой негативной информации о роли страны в текущих событиях, а также вытеснение негативных эмоций, связанных с переживанием угрозы идентичности), межличностном (например, избегание общения с людьми, напоминающими об угрозе) и межгрупповом (например, дезидентификация) уровнях. Эти стратегии направлены прежде всего на восстановление и поддержание психологического благополучия. Так, например, создавая психологическую дистанцию между собой и ингруппой (дезидентификация или актуализация альтернативных видов социальной идентичности), индивид может попытаться оградить себя от негативных психологических последствий, связанных с групповой принадлежностью, в том числе – от чувства вины и стыда. Легитимизация действий ингруппы (Gunn, Wilson, 2011) дает возможность защитить ее моральный облик и повысить тем самым самооценку, основанную на групповой принадлежности.

Стоит отметить, однако, что стратегии избегания, будучи направленными на устранение негативных психологических последствий угрозы идентичности, не являются эффективными в долгосрочной перспективе, поскольку они не работают с источником угрозы. Так, например, дезидентификация не спасает от мета-стереотипных опасений по поводу групповой репутации, поскольку в глазах окружающих индивид по-прежнему остается

представителем негативно оцениваемой социальной группы (Knowles et al., 2014). Поскольку ощущение угрозы социальной идентичности связано не только с тем, как сам индивид оценивает действия ингруппы с моральной точки зрения, но и с тем – как эти действия оценивают представители референтных аутгрупп, избегание или отрицание негативной информации о роли своей группы в тех или иных событиях не способствует нейтрализации угрозы идентичности, так как не влияет на восприятие ингруппы со стороны представителей других групп.

В то же время результаты нашего исследования свидетельствуют и об использовании россиянами проблемно-ориентированных стратегий, подразумевающих работу с источником угрозы идентичности. Это, прежде всего, стратегии, направленные на примирение со своей идентичностью через рост осознанности, реафfirmацию и принятие ответственности за действия ингруппы. Реафfirmация, то есть фокусирование на положительных характеристиках группы, способствует восстановлению самооценки, основанной на групповой принадлежности, что ведет к снижению интенсивности защитных реакций в случае возникновения угрозы (Gunn, Wilson, 2011). Признание ответственности за ингруппу в свою очередь может мотивировать индивида на действия, направленные на восстановление позитивного образа группы, в том числе на изменение восприятия ситуации–источника угрозы. Эти действия могут работать на повышение не только личной, но, возможно, и коллективной самооценки, поскольку могут способствовать улучшению образа группы в глазах представителей референтных групп (Knowles et al., 2014).

Заключение

Результаты качественного исследования двух групп россиян, уехавших из России в 2022 г. и оставшихся в ней, показали:

- представители обеих групп переживают кризис этнической и гражданской идентичности. Основными угрозами позитивной российской идентичности являются: **зависимость от внешней оценки** со стороны референтных групп (в основном граждан других стран), **поляризация, расслоение общества и внутренний конфликт**;

- кризис идентичности проявляется в двух противоположных процессах: **дезидентификации** с обесцениваемой группой и, наоборот, **в усилении идентификации** с ней и сопровождается **сильными эмоциональными реакциями**;

- переживание кризиса идентичности сопровождается копинговыми стратегиями: **стратегиями избегания и защиты** от травмирующей информации (дезидентификация, отдаление, отъезд и т.п.) и **стратегиями совладания** (переосмысление, реафfirmация, принятие ответственности за действия ингруппы, восстановление позитивной социальной идентичности);

- переживание кризиса идентичности – **долговременный процесс**, затрагивающий многих россиян разных возрастов, нуждается во внимании

специалистов, дополнительных исследованиях и разработке целевых социальных и образовательных программ, помогающих справляться с источниками угрозы позитивной социальной идентичности и выработке продуктивных стратегий совладания с кризисом идентичности.

Ограничения и направления дальнейшего исследования. Важно отметить, что сбор данных и анализ результатов исследования были проведены в 2023 году. Поскольку переживание кризиса идентичности – это динамический процесс, то результаты данного исследования фиксируют достаточно ограниченный по времени этап этого процесса. В связи с этим было бы целесообразно в дальнейшем повторно провести интервью с данной группой респондентов, чтобы зафиксировать изменения в переживании и совладании с кризисом идентичности.

Список литературы

- Андреева Г.М. К вопросу о кризисе идентичности в условиях социальных трансформаций // Психологические исследования. 2011. Т. 4. № 20. С. 1–12. <https://doi.org/10.54359/ps.v4i20.804>
- Белинская Е.П. Кризис идентичности в условиях радикальных социальных изменений // Идентичность и организация в меняющемся мире: сб. науч. ст. / под ред. Н.М. Лебедевой, Н.Л. Ивановой, В.А. Штроо. М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2009. С. 93–111.
- Климов И.А. Психосоциальные механизмы возникновения кризиса идентичности // Трансформация идентификационных структур в современной России / под ред. Т.Г. Стефаненко. М.: Московский общественный научный фонд, 2001. С. 54–81.
- Лебедева Н.М. Русские в странах ближнего зарубежья. Социально-психологический анализ // Вестник Российской академии наук. 1998. Т. 68. № 4. С. 296–305.
- Лебедева Н.М. Социальная идентичность на постсоветском пространстве: от самоуважения к поискам смысла // Психологический журнал. 1999. Т. 20. № 3. С. 48–58.
- Левашов В.К., Великая Н.М., Шушпанова И.С., Гребняк О.В., Новоженкина О.П. Как живешь, Россия? Экспресс-информация. 53 этап социологического мониторинга, июнь 2023 года: бюллетень. М.: ФНИСЦ РАН, 2023. 91 с. <https://doi.org/10.19181/monogr.978-5-89697-418-5.2023>
- Российское общество и вызовы времени. Книга шестая / под ред. М.К. Горшкова, Н.Е. Тихоновой. М.: Весь Мир, 2022. 284 с. <https://doi.org/10.55604/9785777708984>
- СоциоДиггер. Они уехали. Новая волна российской эмиграции / под ред. К.А. Пахалюк, О.А. Якимовой. 2023. Т. 4. № 3 М.: ВЦИОМ, 2023. 90 с.
- Ядов В.А. Социальная идентификация в кризисном обществе // Социологический журнал. 1994. № 1. С. 35–52.
- Allpress J.A., Brown R., Giner-Sorolla R., Deonna J.A., Teroni F. Two faces of group-based shame: Moral shame and image shame differentially predict positive and negative orientations to ingroup wrongdoing // *Personality and Social Psychology Bulletin*. 2014. Vol. 40. No 10. Pp. 1270–1284. <https://doi.org/10.1177/0146167214540724>
- Bagci S.C., Stathi S., Golec de Zavala A. Social identity threat across group status: Links to psychological well-being and intergroup bias through collective narcissism and in-group satisfaction // *Cultural Diversity & Ethnic Minority Psychology*. 2023. Vol. 29. No 2. Pp. 208–220. <https://doi.org/10.1037/cdp0000509>
- Bernard M.M., Gebauer J.E., Maio G.R. Cultural estrangement: The role of personal and societal value discrepancies // *Personality and Social Psychology Bulletin*. 2006. Vol. 32. No 1. Pp. 78–92. <https://doi.org/10.1177/0146167205279908>

- Branscombe N.R., Ellemers N., Spears R., Doosje B. The context and content of social identity threat // *Social identity: Context, commitment, content* / Ed. by N. Ellemers, R. Spears, B. Doosje. Malden, MA: Blackwell Publishers, 1999. Pp. 35–58.
- Branscombe N.R., Spears R., Ellemers N., Doosje B. Intragroup and intergroup evaluation effects on group behavior // *Personality and Social Psychology Bulletin*. 2002. Vol. 28. No 6. Pp. 744–753. <https://doi.org/10.1177/0146167202289004>
- Branscombe N.R., Wann D.L. Collective self-esteem consequences of outgroup derogation when a valued social identity is on trial // *European Journal of Social Psychology*. 1994. Vol. 24. No 6. Pp. 641–657. <https://doi.org/10.1002/ejsp.2420240603>
- Breakwell G.M. *Coping with Threatened Identities*. London: Psychology Press, 2015. 238 p. <https://doi.org/10.4324/9781315733913>
- Doosje B.E.J., Branscombe N.R., Spears R., Manstead A.S.R. Antecedents and consequences of group-based guilt: The effects of ingroup identification // *Group Processes & Intergroup Relations*. 2006. Vol. 9. No 3. Pp. 325–338. <https://doi.org/10.1177/1368430206064637>
- Gunn G.R., Wilson A.E. Acknowledging the skeletons in our closet: The effect of group affirmation on collective guilt, collective shame, and reparatory attitudes // *Personality and Social Psychology Bulletin*. 2011. Vol. 37. No 11. Pp. 1474–1487. <https://doi.org/10.1177/0146167211413607>
- Hase A., Behnke M., Mazurkiewicz M., Wieteska K.K., Golec de Zavala A. Distress and retaliatory aggression in response to witnessing intergroup exclusion are greater on higher levels of collective narcissism // *Psychophysiology*. 2021. Vol. 58. No 9. e13879. <https://doi.org/10.1111/psyp.13879>
- Hirsh J.B., Kang S.K. Mechanisms of identity conflict: Uncertainty, anxiety, and the behavioral inhibition system // *Personality and Social Psychology Review*. 2016. Vol. 20. No 3. Pp. 223–244. <https://doi.org/10.1177/1088868315589475>
- Jaspal R., Lopes B., Wignall L. The coping with identity threat scale: Development and validation in a university student sample // *Identity*. 2020. Vol. 20. No 4. Pp. 225–238. <https://doi.org/10.1080/15283488.2020.1808469>
- Knowles E.D., Lowery B.S., Chow R.M., Unzueta M.M. Deny, distance, or dismantle? How white Americans manage a privileged identity // *Perspectives on Psychological Science*. 2014. Vol. 9. No 6. Pp. 594–609. <https://doi.org/10.1177/1745691614554658>
- Powell A.A., Branscombe N.R., Schmitt M.T. Inequality as ingroup privilege or outgroup disadvantage: The impact of group focus on collective guilt and interracial attitudes // *Personality and Social Psychology Bulletin*. 2005. Vol. 31. No 4. Pp. 508–521. <https://doi.org/10.1177/0146167204271713>
- Shuman E., Johnson D., Saguy T., Halperin E. Threat to the group's image can motivate high identifiers to take action against in-group transgressions // *Personality and Social Psychology Bulletin*. 2018. Vol. 44. No 11. Pp. 1523–1544. <https://doi.org/10.1177/0146167218768800>
- Tajfel H., Turner J.C. The social identity theory of intergroup behavior // *Psychology of Intergroup Relations* / Ed. by S. Worchel, W.G. Austin. Chicago: Nelson-Hall, 1986. Pp. 7–24.

История статьи:

Поступила в редакцию 1 марта 2024 г.

Принята к печати 17 апреля 2024 г.

Для цитирования:

Васильева Е.Д., Трифонова А.В., Лебедева Н.М. Современный кризис этнической и гражданской идентичности и стратегии совладания с ним (по материалам интервью россиян, «оставшихся» и «уехавших» в 2022 году) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Психология и педагогика. 2024. Т. 21. № 2. С. 532–555. <https://doi.org/10.22363/2313-1683-2024-21-2-532-555>

Вклад авторов:

Е.Д. Васильева – концепция и дизайн исследования, сбор данных, обработка и анализ данных, написание текста, редактирование текста. *А.В. Трифонова* – концепция и дизайн исследования, сбор данных, обработка и анализ данных, написание текста, редактирование текста. *Н.М. Лебедева* – концепция и дизайн исследования, сбор данных, обработка и анализ данных, написание текста, редактирование текста.

Заявление о конфликте интересов:

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Сведения об авторах:

Васильева Екатерина Дмитриевна, кандидат психологических наук, научный сотрудник, Центр социокультурных исследований, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Российская Федерация, 101000, Москва, ул. Мясницкая, д. 20). ORCID: 0000-0002-7814-953X, ResearcherID: X-8185-2018, SPIN-код: 8077-0132. E-mail: edvasilyeva@hse.ru

Трифопова Анастасия Валентиновна, приглашенный преподаватель департамента психологии факультета социальных наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Российская Федерация, 101000, Москва, ул. Мясницкая, д. 20). ORCID: 0000-0001-8780-7859, ResearcherID: ABF-7211-2020, SPIN-код: 6029-8489. E-mail: avtrifonova@hse.ru

Лебедева Надежда Михайловна, доктор психологических наук, профессор департамента психологии факультета социальных наук, научный руководитель, Центр социокультурных исследований, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Российская Федерация, 101000, Москва, ул. Мясницкая, д. 20). ORCID: 0000-0002-2046-4529, ResearcherID: H-4866-2015, ScopusID: 8719892500, SPIN-код: 8197-3858. E-mail: nlebedeva@hse.ru

DOI: 10.22363/2313-1683-2024-21-2-532-555

EDN: KRLEDX

UDC 316.6

Research article

The Current Ethnic and National Identity Crisis and Coping Strategies to Deal with it (Based on Interviews with Russians Living in Russia and those who Emigrated after 2022)

Ekaterina D. Vasilyeva^{}, Anastasiia V. Trifonova^{},
Nadezhda M. Lebedeva^{}

HSE University,
Moscow, Russian Federation
 edvasilyeva@hse.ru

Abstract. In the period of instability, transformation and uncertainty in Russian society, ethnic and civil identities may undergo an intensifying crisis. In this qualitative study we explore problems associated with civil and ethnic identities threats and crisis among Russians, as well as strategies for coping with it. Data collection took place from February to June 2023.

The sample ($n = 41$) of the qualitative study consists of two subsamples: Russians living in Russia ($n = 21$) and Russians who emigrated or relocated from Russia after February 2022 ($n = 20$). Data collection was carried out through semi-structured interviews. Data were analyzed using thematic analysis method using Dedoose software. The results showed that the main threats to positive Russian identity were: dependence on evaluation from referent groups (mainly citizens of other countries), polarization of Russian society and internal conflict. The crisis of identity manifests itself in two opposite processes: disidentification / increased identification with a devalued group and is accompanied by strong emotional reactions. To overcome identity crisis Russians use avoiding strategies (de-identification, distancing), as well as coping strategies (re-evaluation, reaffirmation). Identity crisis is a long-term process that requires the attention of specialists, additional research and development of targeted social and educational programs aimed at promoting productive coping strategies.

Key words: ethnic identity, civic identity, identity crisis, identity threat, strategies for coping with an identity crisis, Russians, relocants.

Acknowledgements and Funding. N.M. Lebedeva: the study was supported by the Russian Science Foundation grant no. 20-18-00268, <https://rscf.ru/project/23-18-45015/>

References

- Allpress, J.A., Brown, R., Giner-Sorolla, R., Deonna, J.A., & Teroni, F. (2014). Two faces of group-based shame: Moral shame and image shame differentially predict positive and negative orientations to ingroup wrongdoing. *Personality and Social Psychology Bulletin*, 40(10), 1270–1284. <https://doi.org/10.1177/0146167214540724>
- Andreeva, G.M. (2011). Towards the problem of identity crisis amid the social transformations. *Psychological studies*, 4(20), 1–12. (In Russ.) <https://doi.org/10.54359/ps.v4i20.804>
- Bagci, S.C., Stathi, S., & Golec de Zavala, A. (2023). Social identity threat across group status: Links to psychological well-being and intergroup bias through collective narcissism and ingroup satisfaction. *Cultural Diversity & Ethnic Minority Psychology*, 29(2), 208–220. <https://doi.org/10.1037/cdp0000509>
- Belinskaya, E.P. (2009). Identity crisis in the context of radical social change. In N.M. Lebedeva, N.L. Ivanova, & V.A. Shtroo (Eds.) *Identity and Organization in a Changing World* (pp. 93–111). Moscow: HSE University. (In Russ.)
- Bernard, M.M., Gebauer, J.E., & Maio, G.R. (2006). Cultural estrangement: The role of personal and societal value discrepancies. *Personality and Social Psychology Bulletin*, 32(1), 78–92. <https://doi.org/10.1177/0146167205279908>
- Branscombe, N.R., & Wann, D.L. (1994). Collective self-esteem consequences of outgroup derogation when a valued social identity is on trial. *European Journal of Social Psychology*, 24(6), 641–657. <https://doi.org/10.1002/ejsp.2420240603>
- Branscombe, N.R., Ellemers, N., Spears, R., & Doosje, B. (1999). The context and content of social identity threat. In N. Ellemers, R. Spears, & B. Doosje (Eds.). *Social identity: Context, commitment, content* (pp. 35–58). Malden, MA: Blackwell Publishers.
- Branscombe, N.R., Spears, R., Ellemers, N., & Doosje, B. (2002). Intragroup and intergroup evaluation effects on group behavior. *Personality and Social Psychology Bulletin*, 28(6), 744–753. <https://doi.org/10.1177/0146167202289004>
- Breakwell, G.M. (2015). *Coping with Threatened Identities*. London: Psychology Press. <https://doi.org/10.4324/9781315733913>
- Doosje, B.E.J., Branscombe, N.R., Spears, R., & Manstead, A.S.R. (2006). Antecedents and consequences of group-based guilt: The effects of ingroup identification. *Group Processes & Intergroup Relations*, 9(3), 325–338. <https://doi.org/10.1177/1368430206064637>
- Gorshkov, M.K., & Tikhonova, N.E. (Eds.). (2022). *Russian Society and the Challenges of Time. Book Six*. Moscow: Ves' Mir Publ. (In Russ.) <https://doi.org/10.55604/9785777708984>

- Gunn, G.R., & Wilson, A.E. (2011). Acknowledging the skeletons in our closet: The effect of group affirmation on collective guilt, collective shame, and reparatory attitudes. *Personality and Social Psychology Bulletin*, 37(11), 1474–1487. <https://doi.org/10.1177/0146167211413607>
- Hase, A., Behnke, M., Mazurkiewicz, M., Wieteska, K.K., & Golec de Zavala, A. (2021). Distress and retaliatory aggression in response to witnessing intergroup exclusion are greater on higher levels of collective narcissism. *Psychophysiology*, 58(9), e13879. <https://doi.org/10.1111/psyp.13879>
- Hirsh, J.B., & Kang, S.K. (2016). Mechanisms of identity conflict: Uncertainty, anxiety, and the behavioral inhibition system. *Personality and Social Psychology Review*, 20(3), 223–244. <https://doi.org/10.1177/1088868315589475>
- Jaspal, R., Lopes, B., & Wignall, L. (2020). The coping with identity threat scale: Development and validation in a university student sample. *Identity*, 20(4), 225–238. <https://doi.org/10.1080/15283488.2020.1808469>
- Klimov, I.A. (2001). Psychosocial mechanisms of the emergence of identity crisis. In Stefanenko, T.G. (Ed.). *Transformation of identification structures in modern Russia* (pp. 54–81). Moscow: Moscow Public Scientific Foundation Publ. (In Russ.)
- Knowles, E.D., Lowery, B.S., Chow, R.M., & Unzueta, M.M. (2014). Deny, distance, or dismantle? How white Americans manage a privileged identity. *Perspectives on Psychological Science*, 9(6), 594–609. <https://doi.org/10.1177/1745691614554658>
- Lebedeva, N.M. (1998). Russkie v stranakh blizhnego zarubezh'ya. Sotsial'no-psikhologicheskii analiz. *Vestnik Rossiiskoi akademii nauk*, 68(4), 296–305. (In Russ.)
- Lebedeva, N.M. (1999). Sotsial'naya identichnost' na postsovetском prostranstve: ot samouvazheniya k poiskam smysla. *Psychological Journal*, 20(3), 48–58. (In Russ.)
- Levashov, V.K., Velikaya, N.M., Shushpanova, I.S., Grebnyak, O.V., & Novozhenina, O.P. (2023). *How are you, Russia? Express information. 53rd stage of the sociological monitoring, June 2023*. Moscow: FCTAS RAS Publ. (In Russ.) <https://doi.org/10.19181/monogr.978-5-89697-418-5.2023>
- Pakhalyuk, K.A., & Yakimova, O.A. (Eds.) (2023). *SocioDigger. They left. New wave of Russian emigration*, 4(3). Moscow: VCIOM Publ. (In Russ.)
- Powell, A.A., Branscombe, N.R., & Schmitt, M.T. (2005). Inequality as ingroup privilege or outgroup disadvantage: The impact of group focus on collective guilt and interracial attitudes. *Personality and Social Psychology Bulletin*, 31(4), 508–521. <https://doi.org/10.1177/0146167204271713>
- Shuman, E., Johnson, D., Saguy, T., & Halperin, E. (2018). Threat to the group's image can motivate high identifiers to take action against in-group transgressions. *Personality and Social Psychology Bulletin*, 44(11), 1523–1544. <https://doi.org/10.1177/0146167218768800>
- Tajfel, H., Turner, J.C. (1986). The social identity theory of intergroup behavior. In S. Worchel & W.G. Austin (Eds.). *Psychology of Intergroup Relation* (pp. 7–24). Chicago: Hall Publishers.
- Yadov, V.A. (1994). Sotsial'naya identifikatsiya v krizisnom obschestve. *Sociological Journal*, (1), 35–52. (In Russ.)

Article history:

Received 1 March 2024

Revised 14 April 2024

Accepted 17 April 2024

For citation:

Vasilyeva, E.D., Trifonova, A.V., & Lebedeva, N.M. (2024). The current ethnic and national identity crisis and coping strategies to deal with it (based on interviews with Russians living in Russia and those who emigrated after 2022). *RUDN Journal of Psychology and Pedagogics*, 21(2), 532–555. (In Russ.) <http://doi.org/10.22363/2313-1683-2024-21-2-532-555>

Author's contribution:

Ekaterina D. Vasilyeva – concept and design of the study, data collection, data processing and analysis, text writing. *Anastasiia V. Trifonova* – concept and design of the study, data collection, data processing and analysis, text writing. *Nadezhda M. Lebedeva* – concept and design of the study, data collection, data processing and analysis, text editing.

Conflicts of interest:

The authors declare that there is no conflict of interest.

Bio notes:

Ekaterina D. Vasilyeva, Ph.D in Psychology, Research Fellow in the Centre for Sociocultural Research, HSE University (20 Myasnitskaya St, 101000 Moscow, Russia). ORCID: 0000-0002-7814-953X, ResearcherID: X-8185-2018, SPIN-code: 8077-0132. E-mail: edvasilyeva@hse.ru

Anastasiia V. Trifonova, Visiting Lecturer, Faculty of Social Science, School of Psychology, HSE University (20 Myasnitskaya St, 101000 Moscow, Russia). ORCID: 0000-0001-8780-7859, ResearcherID: ABF-7211-2020, SPIN-code: 6029-8489. E-mail: avtrifonova@hse.ru

Nadezhda M. Lebedeva, Doctor of Psychology, Academic Supervisor of the Centre for Sociocultural Research, Professor, Faculty of Social Science, School of Psychology, HSE University (20 Myasnitskaya St, 101000 Moscow, Russia). ORCID: 0000-0002-2046-4529, ResearcherID: H-4866-2015, ScopusID: 8719892500, SPIN-code: 8197-3858. E-mail: nlebedeva@hse.ru